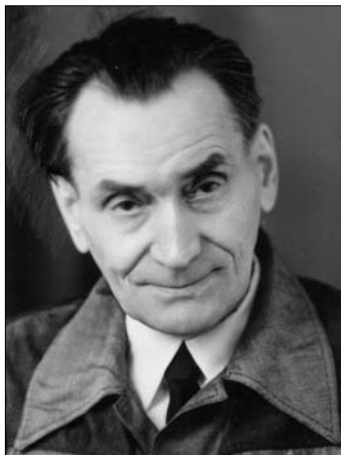

ФЁДОР СУХОВ

“В ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ УСОПШИХ...”

“Не могу сказать, сколько времени я пролежал в ромашковой затиши..., утешая себя тем, что ещё живу, хожу по земле, гляжу в выцветшее до белизны небо... Дышу... Живу... И с самого детского возраста страдаю неизлечимой болезнью перебирать какие-то слова, укладывать их в какие-то строки, надеясь, что эти слова, эти строки кого-то утешат, обрадуют, освежат, как лепестки ромашки, чью-то душу” (Ф. Сухов “Ивница”, ч. 1). “Ромашковая затишь” — это то место близ села Волоконска. Курской области, где противотанковый взвод лейтенанта Ф. Сухова впервые принял боевое крещение, где навсегда остались русские, немецкие, мадьярские парни и куда через двадцать лет вернулся поэт, чтобы задуманная им хроника о войне обрела живые краски. Хочется вновь напомнить любителям чистого русского слова выстраданные поэтом строки. Стихотворения, представленные читателю, взяты из последней книги Фёдора Сухова “Вербное воскресенье”, вышедшей к его 90-летию. В книгу вошли стихи, и до этого не публиковавшиеся, и хорошо известные ещё при жизни поэта. Стихи, посвящённые Великой Отечественной войне, написаны поэтом между 1944–1991 годами. На протяжении всей своей жизни Фёдор Сухов пытался найти сокровенные слова, чтобы выразить всю горечь, испытанную русским народом в те страшные годы.

Елена Сухова

* * *

Эти горести и эти беды,
Этот голубеющий причал...
Радость завоёванной Победы
И её великая печаль.

Возложу печаль свою на камень,
На безмолвно стынущий гранит,
Снова повстречаюсь с земляками
Возле наших сельских пирамид.

Что скажу я? Что я проглаголю?
Бедная, не шевелись, трава,
— Неубитому, живому горю
Не нужны убитые слова.

1977

СЕСТРИЦА

Возвратилась сестрица с войны
К незабытому холоду-голоду.
Принесла только раны свои
Да свою неубитую голову.

И никто-то её не встречал,
Васильками никто не одаривал.
Хорошо, что есть дом, есть причал,
Что когда-то без спроса оставила.

Ни у матери, ни у отца
Не спросила она разрешения.
Убежала с родного крыльца
Без отцовского благословения.

Да и мать не просила припасть,
Прикоснуться к святому распятию.
Потайная стезинка-тропа
И с отцом разлучила, и с матерью.

Распрощалась с родной стороной,
Молодая взвихрилась черёмуха!
Всё слышней под ущербной луной
Ядовитая чуялась по́моха.

Надвигалась так лихо беда,
Нависала зловещими тучами.
Все-то веши и все города
Захлебнулись слезами горячими.

А сестрица успела явить,
Возвеличить своё милосердие.
Чуткий лес. А в лесу — соловьи,
Может, первые, может, последние.

На рассветной случилось заре,
Умывался росой соловушка,
Пунцовел, землянично алел,
Молодой хорохорился кровушкой.

И тогда-то вдруг грохнулся гром,
Ослепляя, ударила молния...
Молодую певучую кровь
Остудила лесная промоина.

Принакрыла лесная листва,
Что круглилась, как чьи-то оладыши.

Тихо-тихо слезился, лился
Свет зари на понурые ландыши.

Лебединая их белизна
Непорочной слезой осчастливлена.
А пропащая чья-то весна
Одинокой кручинится ивиной.

Та весна, что сумела явить,
Возвеличить своё милосердие.
Отхрипели её соловьи,
Отцвели незабудки последние.

Непокрытой светясь сединой,
К непригубленной тянется горечи,
Под ущербной гуляет луной,
На моей пропадает подгорице.

1980

22 ИЮНЯ 1941

Не забываю и — не забуду,
До гробовой не забуду доски,
Как к комариному долгому гуду
Липло дыханье зелёной тоски.

Грусти зелёной кукушечьи вздохи
Стыли на ранней рассветной заре.
Дух прошлогодней печёной картохи,
Он в неостывшей томился золе,

Он на ладони парнишки-подпaska
Вместе с рассветной зарёй холодел...
Дивного утра волшебная сказка
Переливалась в ликующий день.

Располюхался, зарделся шиповник
По бечеве ободневшей реки.
Друг мой, мой сверстник, ты знаешь, ты помнишь,
Как положились в лугах кулики.

Как коростели истошно кричали,
Чуяли лёзо отбитой косы,
Слышали голос великой печали
И грохотанье великой грозы.

Друг мой, мой сверстник, ты знаешь, ты помнишь,
Как колотились в холстину тропы,
По луговой проскакавшие поймае,
Колокола лошадиных копыт.

Били в набат, нестихаемо били,
Виделось полымя близкой беды.
Ясень тянулся к поникшей рябине
Возле речной потемневшей воды.

И тополя, их пороша, их заметь,
Поземь их липла к укромной скамье.
Иволги — вдруг захлебнулись слезами,
Всей своей болью припали к земле.

К лику былинной, полынной России
Крылья свои опустили они.
И голосили, и голосили
Все-то все ночи, все-то все дни...

1985

ПОБРАТИМЫ

Справляют юбилеи старики,
Печалят зазимевшие седины...
Мои окопники, фронтовики,
Былого лихолетья побратимы.

Они и ныне — на передовой,
Готовятся к очередному бою...
Своею горечью, своей травой
К возвышенному припадают полю.

Сигнала ждут — сигнал условный дан.
Зелёная возвысилась ракета!
Дивизии стрелковой капитан
В своё двадцатое уходит лето.

Кидаются в объятия друзей
Его помолодевшие седины.
Всё возвращается к бывлой стезе,
Стези-дороги — исповедимы.

Любой просёлок — исповедим,
Подстерегают всякие колдобы...
Пороховой не оседает дым,
Задебренные половодит доли.

Полынью неприкаянной горчит,
Засвинцовело поле от полыни.
И кажется, не головни — грачи
На скошенной чернеют луговине.

Уходят в ночь бывалые стрелки,
Уносят зазимевшие седины
Мои окопники, фронтовики,
Былого лихолетья побратимы.

7 января 1992

* * *

“Возникший спор не разрешай железом”, —
Так говорил, так завещал Господь.
Когда грохочет гром — уйди из леса,
Убереги тоскующую плоть.

От молнии убереги, от грома,
Да не сразит ни молния, ни гром
Плывущего по озеру парома,
К косе песчаной движется паром!

И не паром — ковчег, что от потопа
Упас всех обитателей земли.

Всесветный ливень унялся, оттопал,
Возвысили свой голос журавли.

Взывающие приподняли трубы,
Печалются над заводью речной.
Деревьев захолонувшие трупы
Прибрежной омываются волной.

Кидается на каменистый берег,
О берег разбивается волна.
В глубокой расплывается купели,
Хохочущая видится луна.

От молнии уберегли, от грома
Свой неуёмный полуночный смех.
Не из ковчега — вроде бы из гроба
Поднял бродяжий посох человек.

Явил себя у сумрачного леса
Земной юдоли сникший старожил,
Возникший спор не разрешил железом —
Протянутой рукою разрешил.

13 февраля 1991

В ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

В День поминовения усопших
Я, усопший, на ноги встаю.
Слышу я, как на Десне, на Соже
Ветер просыпается, тревожит,
Овекает голову мою.
Голова моя была убита,
Я носил её и не сносил...
Не стихает давняя обида,
Кованые грохают копыта
В мороси трясущихся осин.

В голенастой пестряди берёзок
Кони топают к передовой,
Топора отточенное лёзо
К раздождившимся припало лозам...
Месяц народился молодой.
Нависает кособокий месяц
Над блескучей серебряю реки,
Белорусские печалит веси,
Знаю я, я ведаю — в Залесье
Дивные синеют васильки.

Не во ржи, не в жите — середь сосен
Васильковая храбрится синь.
В Беловеже — к партизанке Зосе
На зелёном заливном покосе
Утренняя прикоснулась стынь.

Холоднее сделалось на Соже,
Лихорадит блёккую струю...
В День поминовения усопших
В заповедной, невеликой роще
Я, усопший, на ноги встаю.

22 июня 1991